

Наследство для Доминики

Виктор Безматерный

Виктор Безматерный

Наследство для Доминики

<https://litres.ru/74236853>

SelfPub; 2026

Аннотация

Студентка юрфака получает 300 миллионов долларов и проклятый дом в деревне с условием проживания сроком на один год. Её новые соседи — говорящий кот-граф и тысячетлетняя домовица — утверждают, что она последняя ведьма рода, а деньги — это просто компенсация за риск сойти с ума.

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	16
Г	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Наследство для Доминики

Глава 1.

Запах дешевого растворимого кофе и старой пыли в аудитории номер 402 — вот чем пах мой вторник. Не свободой, не молодостью, не перспективами, которые нам обещали на дне открытых дверей три года назад. Пылью. Она оседала на партах с облупившимся лаком, висела в луче проектора серыми, ленивыми пылинками и скрипела на зубах, когда я случайно выдыхала ртом.

Я сидела на галерке, подпирая щеку кулаком. Лекция по гражданскому праву тянулась, как жевательная резинка, прилипшая к подошве. Преподаватель, Аркадий Семенович, монотонно бубнил что-то о ничтожных сделках. Его голос был идеальным снотворным. Я обвела взглядом аудиторию. Слева от меня парень из параллельной группы спал с открытыми глазами, его зрачки медленно двигались под веками вслед за текстом на слайде. Справа девчонки листали интернет-магазины, обсуждая новую коллекцию сумок.

А у меня вибрировал телефон.

Он лежал экраном вниз, но я чувствовала эту вибрацию всем позвоночником. Третий звонок за последние десять минут. Мама. Снова.

Я сбросила вызов, сунув гаджет глубже в карман джинсовки. Мы поссорились вчера вечером. Глупо, до слез, из-за того, какую кашу мне сварить на завтрак. Овсянку или манную. Будто это вопрос государственной важности. На самом деле мы просто обе устали. Они — тянуть ипотеку и делать вид, что их жизнь удалась идеально. Я — притворяться, что юрист из меня выйдет лучше, чем бариста.

Телефон завибрировал снова. Четвертый раз.

Это было уже ненормально. Мама никогда не была навязчивой. Если я сбрасывала, она писала сообщение: «Целую, купи молока». Но сейчас звонков было пять. Шесть.

Тревога холодной иглой кольнула где-то под ребрами. Я тихо, стараясь не шуршать курткой, вытащила телефон. Дрожащим пальцем разблокировала экран. Пропущенные вызовы шли один за другим. А последним было сообщение в мессенджере. От отца. Всего два слова, написанные заглавными буквами:

«ДОМИНИКА. СРОЧНО. ПЕРЕЗВОНИ».

В горле пересохло мгновенно. Аркадий Семенович продолжал вещать про оспоримые сделки, приводя в пример какой-то договор купли-продажи коровы в Рязанской области в девяносто восьмом году. Корова. Сделка. Мне показалось, что воздух в аудитории стал густым и тяжелым, как вода. Я больше не могла сидеть здесь и слушать про коров.

— Можно выйти? — хрипло спросила я, даже не поднимая руки.

Аркадий Семенович осекся на полуслове и недовольно посмотрел поверх очков.

— Куровская, если вам плохо, идите в медпункт, а не нарушайте учебный процесс.

— Мне нужно позвонить, — выдавила я. — Это срочно. Родители.

Слово «родители» сработало как пароль. В нашей культуре семья — это святое. Даже старый сухарь-профессор это понимал. Он тяжело вздохнул, махнув рукой в сторону двери.

Я вылетела в коридор так быстро, словно за мной гнались.

Прислонилась спиной к холодной крашеной стене возле женского туалета. Палец сам нашел контакт «Мама». Гудки казались бесконечными. Один. Второй. Третий.

— Да! — голос матери прозвучал так, будто она пробежала марафон. Хриплый, сорванный, полный сдерживаемых рыданий. — Доминика? Ты где?

— Мам, что случилось? Вы меня до инфаркта доведете! Что там у вас? Папа написал...

— Доминика, девочка моя, — она всхлипнула, и связь чуть не прервалась. — Приезжай домой. Прямо сейчас. Бросай всё. Вызывай такси.

— Какое такси, мам?! До конца пары час! У меня метро рядом, я через сорок минут буду! Что произошло? Кто-то заболел? С папой плохо?

— С нами... со всеми нами плохо, — её голос упал до шепота. — Доминика... Тетя Рая умерла.

Я моргнула. Тетя Рая. Сестра моей бабушки по отцу. Древняя старуха, которую я видела раза три в жизни, последний раз — лет восемь назад на чьих-то похоронах. Она жила в деревне где-то под Тверью, держала коз и слыла в семье городским сумасшедшим оригиналом.

— Ох, мам... — выдохнула я с облегчением. Облегчение тут же сменилось стыдом, а стыд — сочувствием. — Мне

очень жаль. Соболезную. Но зачем вызывать такси и срывать пару? Мы же почти не общались...

— Дело не в соболезнованиях! — вдруг закричала мама так громко, что я отдернула телефон от уха. — Доминика, нотариус звонил. Из Москвы. Частная контора. Сказал, что ты единственная наследница первой очереди. По закону. Там... там дом. И еще кое-что.

Сердце пропустило удар.

— Какой дом? Наш сгорел, когда мне год был, вы сами рассказывали...

— Не наш, — отрезала мать. Голос её внезапно стал жестким, металлическим, лишенным всяких эмоций. — *Её* дом. Той женщины, которая тебя родила.

Мир накренился. Стены желтого больничного линолеума поплыли перед глазами. Звук собственного дыхания стал оглушительным, как прибой.

— Повтори, — прошептала я.

— Ты приемная, Доминика, — сказала мама, и каждое слово било наотмашь. — Мы удочерили тебя младенцем после пожара. Настоящие родители погибли. Мы хотели рассказать тебе позже, когда закончишь институт, выйдешь замуж... Мы берегли тебя. Та женщина, Раиса Игнатьевна,

твоя кровная бабка. Кровь не водица. Нотариус сказал, завещание составлено лично на тебя. Имя в имя. Фамилия в фамилию — твою старую фамилию.

Старая фамилия. Я знала её только по документам об удочерении, которые прятались в нижнем ящике комода под стопкой накрахмаленного белья. Куровский. Звучит чуждо и колко.

— Сколько? — глупо спросила я. Мой мозг юриста пытался зацепиться за цифры, чтобы не сойти с ума от факта предательства всей моей биографии.

— Что сколько?

— Сколько стоит этот дом? Зачем он мне сдался в этой дыре?

На том конце провода повисла тяжелая пауза. Было слышно, как отец что-то неразборчиво говорит маме на заднем плане.

— Дело не в доме, — наконец произнес папа, взяв трубку. Его голос дрожал, но старался быть твердым. — Доминик, присядь, пожалуйста.

Я сползла по стене прямо на пол, пачкая джинсы побелкой.

— Я слушаю.

— Нотариус назвал сумму основного капитала. Триста миллионов долларов.

Цифра зависла в воздухе между нами. Триста миллионов. Долларов. За эти деньги можно купить остров. Или небольшую страну. Или вылечить все болезни мира.

— Это какая-то ошибка, — просипела я. — Мошенники. Развод для дураков. Миллиарды нигерийского принца.

— Нет, — голос отца дрогнул. — Банк подтвердил подлинность выписок. Деньги лежат на заблокированном счете в Швейцарии. Но есть условие.

Конечно. Всегда есть подвох. Моя рациональность возвращалась ко мне ледяными волнами, гася истерику.

— Какое? Я должна прыгнуть с парашютом голышом над Красной площадью?

— Ты должна жить. Ровно один календарный год. День в день. Безвыездно. В доме твоей бабки, в деревне Николаевка. Если ты покинешь территорию участка хотя бы на сутки — счет аннулируется. Всё уйдет в благотворительный фонд защиты амурских тигров.

Я закрыла глаза. Амурские тигры. Триста миллионов. Приемные родители, плачущие в трубку. Старая пыль в аудитории, которую я оставила навсегда.

— Мам, — позвала я, открывая глаза и глядя в потолок с разводами от недавнего потопа. — Вы знали? Все эти восемнадцать лет. Вы знали, кто мои настоящие родственники?

Пауза была красноречивее любых слов.

— Мы знали только то, что твои родные погибли, а бабушка сошла с ума от горя и исчезла, — тихо ответила мама. — Мы думали, она хочет нас убить вместе с тобой, поэтому переехали в другой город и сменили имена. Мы боялись, Доминика. Мы так сильно тебя полюбили, что испугались отдавать обратно.

Отдавать. Слово вонзилось ржавым гвоздем. Значит, я всегда была взята напрокат. Одежда, из которой выросла настоящая хозяйка.

— Где документы? — холодно спросила я.

— Дома. В сейфе. Код — дата вашей свадьбы. Ключи у папы.

— Сидите дома. Никому не открывайте. Я еду.

Я нажала отбой, не дожидаясь ответа. Поднялась на ноги. Колени всё еще дрожали, но голова стала кристально чистой.

Я вернулась в аудиторию без стука. Дернула ручку. Замок щелкнул громко, привлекая внимание всех ста двадцати человек.

Аркадий Семенович смотрел на меня с нескрываемым раздражением.

— Куровская, я, кажется, разрешил вам выйти, а не устраивать театральное возвращение. Если у вас семейная драма, возьмите академический отпуск.

Я дошла до преподавательского стола. Посмотрела на него сверху вниз. Впервые в жизни я смотрела на взрослого человека не снизу вверх, ища одобрения, а прямо.

— Никакого отпуска, — мой голос звучал ровно и звонко, перекрывая гул аудитории. — Я отчисляюсь. По собственному желанию. С сегодняшнего дня.

По рядам прошелестел изумленный вздох. Парень с открытыми глазами наконец их открыл по-настоящему. Девчонки бросили сумки.

— Вы в своем уме, Куровская? Государственный вуз! Бюджетное место! Красный диплом светит! — залепетал

профессор, вскакивая.

Я положила на его стол свой студенческий билет.

— Передайте в деканат. Меня ждут триста миллионов долларов и амурские тигры. Проверьте потом по новостям, не сожрала ли я кого-нибудь в Тверской области.

Я развернулась на каблуках и пошла к выходу. Никто не попытался меня остановить. Я шла сквозь строй шокированных лиц, чувствуя, как старая кожа отслаивается. Юрист-недоучка осталась там, у доски с правилами оформления сделок с недвижимостью.

На улице шел мелкий осенний дождь. Серый, промозглый, типично московский. Я достала телефон и вызвала такси бизнес-класса. Денег на карте было всего две тысячи рублей — стипендия и остатки подработки курьером. Но сегодня это не имело значения. Сегодня начиналась инвентаризация моей настоящей жизни.

Машина приехала через три минуты. Черный кожаный салон пах дорогим парфюмом и властью.

— Куда едем, девушка? — спросил водитель, мелькнув глазами в зеркале заднего вида.

Я назвала адрес квартиры родителей. Адрес людей, которые вращали мне каждый день моего существования.

Всю дорогу я смотрела на мокрое стекло. Москва плакала вместе со мной, провожая мою прежнюю жизнь потоками грязной воды. Восемнадцать лет оказались фальшивкой. Красиво упакованной, уютной, пахнущей мамиными пирогами фальшивкой.

Но ключи от сейфа были спрятаны в спальне. И код я знала наизусть. Двадцать второе мая. Дата их свадьбы. Дата начала моей чужой жизни. Интересно, какой датой закончится моя собственная?

Когда такси затормозило у знакомой панельной девятиэтажки, дождь усилился. Я расплатилась, оставив водителю щедрые чаевые — пусть думает, что я богатая содержанка, а не сирота с внезапным наследством.

Ключ повернулся в замке дважды. Тишина. Родительская двушка встретила меня запахом валерьянки и жареных котлет. Котлеты стояли на плите, укутанные полотенцем — мама пыталась сохранить лицо и кормить мужа ужином даже в день крушения вселенной.

Они вышли в коридор одновременно. Отец — бледный, сжимающий в руках связку ключей от машины. Мать — с опухшими красными глазами, в мятом домашнем халате.

Я молча прошла мимо них в спальню. Открыла дверцу гардероба. Отодвинула вешалки с пальто. Достала фанерный ящик из-под обуви. Старый советский замок открылся от легкого нажатия скрепкой — конспирация уровня детского сада.

Внутри лежали пожелтевшие бумаги. Свидетельство о рождении. Документ об удочерении. Фотография крошечного пищущего свертка на фоне белой стены роддома. Это была я. Настоящая я.

Под бумагами обнаружилась старая записная книжка в дерматиновом переплете. На первой странице химическим карандашом был выведен адрес:

Тверская область, Лесновской район, деревня Николаевка, д. 13.

И приписка, от которой у меня похолодело затылок:

«Не верь коту. Марфа знает правду».

Глава 2.

Деревня Николаевка встречала меня запахом мокрой псины, прелых листьев и чего-то неуловимо сладкого, похожего на жженный сахар. Таксист, чертыхаясь и поминая мою прапрабабку недобрым словом, высадил меня у покосившегося указателя, где кривыми буквами было выжжено название населенного пункта. Дальше начиналась такая грязь, что мой новенький чемодан на колесиках увяз бы в ней по самую ручку через три метра. Пришлось тащить его волоком.

Тридцать километров от райцентра мы преодолевали полтора часа. За окном проплывали серые избы с резными наличниками, заброшенные коровники, похожие на скелеты доисторических животных, и бесконечные поля бурьяна. Ни «Старбакса», ни коворкинга, ни даже захудалой кофейни. Цивилизация здесь закончилась вместе с советским строем.

Дом номер тринадцать стоял на самом краю оврага. Он был огромным. Слово «изба» ему не подходило — это была настоящая усадьба-пятистенки под потемневшей тесовой крышей. Сруб из вековых бревен казался черным от времени и дождей, но когда я подошла ближе и коснулась стены ладонью, дерево оказалось теплым. Оно едва заметно вибри-

ровало под пальцами, словно дышало.

Ключей мне никто не передавал. Согласно письму нотариуса, дом должен был быть открыт. Я толкнула тяжелую дубовую дверь с массивным кольцом вместо ручки. Она поддалась со скрипом, который больше напоминал старческий вздох облегчения, чем звук гнилых петель.

Внутри пахло запустением, сухими травами и воском. Пыль лежала густым слоем везде: на пузатом комодe, на вышитых салфетках, на огромном портрете суровой женщины в платке, висевшем над печью. Женщина смотрела прямо на меня. У нее были мои глаза. Точно такие же — болотного цвета, сейчас кажущиеся почти черными в полумраке сеней.

— Ну здравствуй, прародительница, — пробормотала я, скидывая кроссовки. Ступать в уличной обуви на домотканые полосатые дорожки казалось святотатством.

Я планировала провести быстрый осмотр, убедиться, что перекрытия не рухнут мне на голову, вызвать риэлтора для оценки этого антикварного хлама и уехать обратно в Москву первым же автобусом. Год сидеть здесь ради денег? Я могла пережить без маникюра и доставки еды, но без горячей воды и скоростного интернета моя личность начала бы распадаться на атомы.

Первый этаж состоял из огромной кухни-гостиной. Русская печь занимала добрую четверть пространства. Рядом стояла газовая плита советских времен, покрытая толстым слоем жира. На столе — гора немытой посуды. Судя по запаху, молоко в кружке скисло еще при Брежневе.

И тут я услышала *это*.

Сначала раздалось низкое, утробное урчание. Не кошачье мурлыканье, а именно рокот мощного дизельного двигателя. Звук шел сверху, со старинных настенных часов с кукушкой.

Я замерла, прислушиваясь. Урчание прекратилось. Понимался мягкий шлепок лап о деревянный пол второго этажа. Затем — тяжелые, неспешные шаги. Они спускались по лестнице. Каждая ступенька скрипела ровно один раз, выверенно и аристократично. Шаги хозяина, а не бродячего зверя.

Мое сердце пропустило удар. В доме никого не должно быть. Двери заперты изнутри на тяжелый засов. Окна закрыты на ставни. Но кто-то только что прошел по галерее над мной.

Я схватила первое, что попало под руку — чугунную

сковородку, висящую у печи. Рука вспотела. Адреналин ударил в кровь, смывая остатки городской апатии. Это уже не было похоже на юридическую практику. Это было ограбление. Или хуже. Маньяк-натуралист, решивший поселиться в бабкиной недвижимости.

Дверь на второй этаж медленно открылась сама собой. Петли даже не пискнули.

На верхней ступени показалась лапа. Огромная, пепельно-серая, с черными подушечками и выпущенными когтями, которые беззвучно вошли в старую половицу. Вслед за лапой появился он.

Это был кот. Но назвать его просто животным язык не поворачивался. Величиной с небольшую рысь, с широченной грудной клеткой и хвостом толщиной с мое предплечье. Шерсть длинная, ухоженная, стального цвета, переливающаяся на свету. На шее — белоснежный воротник-жабо. А морда... Морда выражала такое глубокое презрение ко всему существу, какое я видела только у декана нашего факультета.

Кот остановился посреди лестницы. Желтые, как старая слоновая кость, глаза уставились на меня. Он не шипел, не выгибал спину. Он смотрел на меня так, будто это я вторглась в его владения, испортила воздух дешевым парфюмом

такси и посмела явиться без приглашения.

— Мяу, — произнес он.

Но это не было звуком животного. Это было слово. Низкий, бархатный бас, пропущенный через старый граммофонный рупор. В этом «мяу» слышались нотки столетнего коньяка, прокуренных библиотек и смертельной скуки высшего света.

— Что смотришь? — голос у меня сорвался на сип. Сковородка в руке стала невыносимо тяжелой. — Котов никогда не видел? Проваливай отсюда, блохастый. Это частная собственность теперь моя.

Кот медленно, с убийственным достоинством переступил последнюю ступеньку. Его движения были плавными, текучими. Он сделал шаг ко мне. Потом еще один. От него пахло озоном после грозы, сушеным чабрецом и дорогим трубочным табаком.

Он подошел вплотную и сел прямо перед моими ногами, обернув хвост вокруг собственных лап. Идеальная поза сфинкса.

— Позвольте заметить, милостивая государыня, — вдруг

четко сказал кот, не открывая пасти широко, лишь слегка шевельнув усами. Баритон стал еще глубже. — Ваше появление несколько фраппировало мою утреннюю медитацию. Вы топаете, как ломовая лошадь, и распространяете миазмы мегаполиса. Если уж вам хватило дерзости занять этот дом, извольте хотя бы переобуться в тапочки. Пол ледяной, а у меня хронический цистит, заработанный сквозняками девяносто третьего года.

Сковородка выскользнула из моих пальцев. Она грохнулась об пол с таким звоном, что задрожали стекла.

Я отступила на шаг, упершись поясницей в край стола. Ноги стали ватными.

— Ты... ты говоришь? — прошептала я. Разум юриста пытался найти логическое объяснение. Скрытые динамики? Галлюцинация от недосыпа? Спайсы в чае таксиста?

— Изумительная дедукция, — фыркнул кот, выпустив облачко пара из ноздрей. — Для особы, претендующей на диплом Всероссийского государственного университета правосудия, вы демонстрируете поразительную тупость восприятия очевидного. Да, я говорю. Меня зовут Тимофей. Титул — граф. Род занятий — хранитель очага и нервной системы этой усадьбы. А вы, насколько я понимаю, та самая Домини-

ка, которая должна была сгнить в бетонной коробке, но решила поиграть в помещицу?

Каждое его слово било точно в цель. Этот пушистый высокомерный кусок шерсти знал обо мне всё. Знал про институт. Знал про город.

— Где Марфа? — спросила я внезапно, вспомнив приписку в записной книжке.

Уши кота дернулись. Имя ему явно не нравилось. Он раздраженно махнул хвостом, сбив стоявшую на полу крынку. Крынка жалобно дзынькнула.

— Опять эта ветошь, — процедил Тимофей сквозь зубы. — Вечно она сует свой ватный нос куда не просят. Поднимите свои юбки, сударыня, и следуйте за мной. Будем проводить инвентаризацию вашего наследства. И прекратите дрожать. Ваша паника воняет страхом, а у меня от этого мигрень разыгрывается.

Он развернулся и вальяжно потрусил вглубь дома, в сторону закрытой двери, обитой старым войлоком. Мне ничего не оставалось, кроме как подобрать челюсть с пола и пойти за ним.

Мы прошли через темный коридор. Кот толкнул лбом низкую дверцу, ведущую, судя по запаху сырости, в погреб или подклеть.

— Сюда, — бросил он через плечо. — Бабка держала там свою главную драгоценность. Надеюсь, пыль ее окончательно съела, иначе нам придется слушать её лекции о вреде ГМО до следующего ледникового периода.

Я спустилась по крутой лесенке, цепляясь за скользкие перила. Подвал оказался неожиданно сухим и просторным. В центре, на перевернутом деревянном ящике, сидела она.

Игрушка. Старая мягкая игрушка. Медведица классического советского фасона — коричневый искусственный мех, круглая голова, черные пуговицы глаз. Одна пуговица висела на нитке. Лапы безвольно раскинуты. Типичный пылесборник, который обычно выбрасывают при первой же уборке.

Она сидела абсолютно неподвижно. Просто кусок старой ткани и синтепона.

— И что? — разочарованно спросила я, оглядывая пустой подвал. Никаких сундуков с золотом. Только банки с солеными огурцами, покрытыми белой плесенью, да связки чеснока. — Очередная реликвия?

— Наберитесь терпения, — мурлыкнул Тимофей, устраниваясь на ступенях выше. Сейчас он возвышался надо мной, как судья. — Солнце садится. До заката она бесполезнее прошлогоднего снега.

Я закатила глаза. Сумасшедший дом. Говорящие коты, спящие медведицы, триста миллионов долларов на заблокированном счете. Я ущипнула себя за руку. Больно. Значит, не сон.

— Ладно, граф Дракула, — я прислонилась к стене, чувствуя спиной шершавое дерево. — Допустим, я сошла с ума. Допустим, у меня острая форма психоза на фоне стресса. Объясни мне правила игры. Зачем я здесь? Деньги лежат в Швейцарии. Почему нельзя просто перевести их на карту и вернуться к своей жизни?

Тимофей лениво зевнул, продемонстрировав розовую пасть и набор клыков, способных перекусить арматуру.

— Потому что магия рода Куровских привязана к земле, — наставительно произнес он, подражая интонациям моего профессора права. — Кровь требует почвы. Деньги — это побочный продукт алхимии, выхлопные газы силы. Чтобы активировать счет, вы должны заземлиться. Прожить год

внутри периметра. Пропустить через себя двенадцать циклов луны. Иначе дар сожрет вас изнутри, девочка. Вы либо станете хозяйкой этой силы, либо превратитесь в овощ, пускающий слюни на подушку. Третьего не дано.

— Дар? Какой еще дар? Я юрист! Я умею составлять иски-
вые заявления и хамить преподавателям! Я не Гарри Поттер!

— Вы пока никто, — отрезал кот. — Белый лист. Глина. Но ваша кровь кипит. Чувствуете?

И я почувствовала. Сначала легкое тепло в животе, потом оно поднялось к горлу, обожгло щеки. Воздух в подвале загустел. Запах плесени и огурцов сменился ароматом цветущей липы и меда. Лампочка Ильича под потолком вспыхнула ослепительно ярко и перегорела с тихим хлопком. Мы остались в темноте.

— Вот черт, — выдохнула я.

— Не упоминай рогатого все, деточка, — вдруг прохрипел совершенно другой голос. Он шел снизу, от пола. Голос был скрипучим, древним, как рассохшееся дерево, и полным неизбывной тоски. — Чай, не в притоне находишься.

Медведица на ящике пошевелилась.

Это произошло настолько плавно и жутко, что я подавилась собственным вдохом. Игрушка не упала и не изменила форму. Она просто *ожилa*. Черная пуговка правого глаза повернулась в мою сторону. Затем левая. Голова медленно, со скрипом суставов, наклонилась набок.

— Эк тебя корежит, малахольная, — продолжила игрушка, и рот, простроченный грубой черной нитью, искривился в ухмылке. — Стоишь, бледная, как стенка в операционной. Небось, думаешь, белая горячка пришла? Нет, золотце. Белая горячка водки требует, а я водку не потребляю. Я чай люблю. С баранками.

Марфа — а это могла быть только она — тяжело спрыгнула с ящика. Плюшевое тело приземлилось на земляной пол абсолютно бесшумно. Она сделала шаг ко мне, переваливаясь с боку на бок, как старая грузная купчиха. Ростом она едва доставала мне до колена, но исходящая от неё давящая, первобытная мощь заставила меня вжаться в стену еще сильнее.

— Чур меня, — прошептала я автоматически.

— Поздно чураться, — Марфа остановилась в метре от меня. Теперь я видела, что мех на ней местами вытерт до

основы, а на животе пришита большая квадратная заплатка из другого материала. — Садись, гостя нежданная. В ногах правды нет, а в моей голове её столько накопилось за тысячу лет, что лопнуть боюсь.

Тысяча лет. Слово эхом отразилось от сводов погреба.

— Сколько? — переспросила я.

— Тыща и сорок два весенних дня будет, — охотно сообщила игрушка. Голос у нее был странный: смесь голоса древней старухи, треска сухих дров и жужжания пчелиного улья. — Меня батюшка твой прапращуров сюда посадил, сторожить. Сказал: «Сиди, Марфушка, стереги корень». Вот и сижу. Пыли наглоталась — страсть. Думала, молю меня раньше человека сожрет, ан нет, дождалась.

Тимофей наверху демонстративно кашлянул.

— Хватит лирику разводить, ветошь. Девушка от твоих речей в обморок брякнется, а мне её ловить лень. У меня ревматизм.

— Молчи, шерстяной, — беззлобно огрызнулась Марфа. Её стеклянные глаза смотрели на меня изучающе, рентгеном просвечивая душу. — Дай человеку осознать. Осозна-

ние, внучка, оно похмелья страшнее. Вчера ты думала, что ты сирота городская, пустоцвет. А сегодня выясняется, что ты — Куровская. Последняя прямая ветвь.

— Приемная ветвь, — горько усмехнулась я.

Марфа вдруг оказалась прямо перед моим лицом. Она двигалась не как плюшевая игрушка, а как капля ртути — мгновенно и неправильно. Одно мгновение она была в трех метрах, в следующее — её нос-пуговка почти касался моего.

— Кровь есть кровь, — прошипела она, и запахло сушеными мухоморами. — Плоть приемная, душа чужая тебе досталась, это верно. Родители твои хорошие люди, грех на них возводить напраслину. Но искра, деточка, искра — она родовая. Она спит, пока гром не грянет. Гром грянул. Наследство вскрыло печать.

Земля под ногами дрогнула. С потолка посыпалась труха. Банки с огурцами зазвенели.

— Что происходит?! — выкрикнула я, хватаясь за стену.

— Первый акт творения, — торжественно объявил Тимофей откуда-то из темноты. — Добро пожаловать в реальность, ведьма.

Слово «ведьма» прозвучало не как оскорбление. Оно прозвучало как диагноз. Как должность в штатном расписании.

Тепло в моем теле переросло в жар. По венам словно пустили расплавленный свинец. Боль была мгновенной, ослепляющей, выворачивающей суставы наизнанку. Я закричала, оседая на колени. Перед глазами замелькали картинки, которых я никогда не видела: деревянная Москва, утопающая в грязи; женщина в кокошнике льет воду на раскаленные камни в бане; чьи-то руки лепят эту самую куклу из грязной тряпки и заговоренной золы.

А потом вспышка. Зеленое пламя вырвалось из моих ладоней. Оно не обжигало. Оно осветило подвал призрачным светом, высветив каждую паутинку. Огонь лизнул потолок, затанцевал на стропилах и втянулся обратно в мою грудь, оставив после себя звенящую пустоту и вкус железа во рту.

Когда зрение вернулось, Тимофей сидел рядом со мной, деликатно отводя морду от лужицы блевоты, натекающей из моего рта. Марфа стояла чуть поодаль, сложив лапки на пухлом животе, и одобрительно кивала.

— С крещением, — сказала домовица. — Сил много. Мозгов мало. Классический дебют Куровских.

Я сплюнула вязкую слюну. Всё тело болело так, будто меня переехал трамвай. Но вместе с болью пришел голод. Дикий, животный, нечеловеческий голод.

— Есть хочу, — прохрипела я. — Мясо. Сырое.

Кот брезгливо дернул усом.

— Обойдешься, троглодитка. Сначала баня. Ты смердишь городом. А потом будем учить тебя отличать навьев от дворовых. Ночь нынче лунная, самое время для знакомства с соседями.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.